

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СТРАТИФИКАЦИЯ СОЦИУМА

DOI 10.19181/nko.2022.28.2.1

EDN MBMQCF

УДК 331.5

Н. М. Великая¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ПРЕКАРИЗАЦИЯ ТРУДА МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРУППЫ «САМОЗАНЯТЫЕ»

Аннотация. В статье рассматривается процесс прекаризации молодёжи в России, который обусловлен изменениями трудовых отношений в современной экономике, расширением неформальных практик и gig-занятости. Отдельно анализируются и описываются особенности формирования группы самозанятых в России, что связано с изменениями законодательства и появлением нового налогового режима на профессиональную деятельность, введенного в качестве эксперимента в 2018 году. Актуальная законодательная база, статистические данные, которые включены в анализ, позволяют выявить тенденции формирования этой группы, описать основные минусы режима самозанятости и констатировать, что интенсивного роста слоя самозанятых в ближайшее время не предвидится.

На основе эмпирических данных, полученных в ходе количественных (общероссийский опрос) и качественных (фокус-групповые интервью) социологических исследований, выделены основные риски прекаризации группы самозанятых: неустойчивая занятость, безработица, низкие доходы, несоответствие квалификации и образования работе, отсутствие социальных гарантий и др. Выявлено, что по своим профессионально-трудовым ориентациям и стратегиям группа самозанятых близка группе индивидуальных предпринимателей, что позволяет их рассматривать как потенциальную базу предпринимательского слоя. Показана специфика прекаризации молодёжи, связанная с уязвимостью их экономического и социального статуса в начале карьеры; направления их жизненных стратегий и представления о перспективах развития страны и экономики, в частности.

Данные об индивидуальных социальных страхах опрошенных и интервьюируемых позволяют сделать вывод, что самозанятость, основанная на вынужденных и добровольных основаниях, ведёт к конструированию разных жизненных стратегий и трудовых практик, что также коррелирует со сферами занятости.

Ключевые слова: прекаризация, прекарность, самозанятость, рынок труда, социальное благополучие, трудовые отношения.

Для цитирования: Великая Н.М. Прекаризация труда молодежи как фактор формирования группы «самозанятые» // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2. С. 6–21. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.1. EDN MBMQCF

Введение в проблему. Проблемы прекаризации становятся одним из важнейших направлений изучения социальной структуры общества с конца 20-го века и особенно после публикации в 2011 году ключевой работы Стэндинга «Прекариат: новый опасный класс» [1], где он продемонстрировал, как новые тенденции в трудовых отношениях ведут к изменению положения работников наёмного труда, которые становятся все более социально уязвимой группой в связи с неустойчивостью социального положения, нестабильностью дохода и отсутствием ряда социальных гарантий. Такое понимание прекарности

довольно популярно в неомарксистской литературе и находит отражение в ряде работ, где при помощи терминов «прекарий», «прекаризация», «прекарность» описываются особенности производства капитализма, размывания классовой дифференциации, обезличивания индивида в процессе труда [2; 3], отдельно подчеркивается эксплуататорская природа прекаризации и распространение её даже на те области, которые ранее считались защищёнными от неформальных отношений [4].

Другая группа исследователей описывает прекариат и его социальную роль в позитивных коннотациях, обращая внимание на его креативность, готовность к переменам, более высокую адаптивность. Для этого сегмента прекариата, для креаклов прежде всего, состояние прекарности – это свобода распоряжаться своим временем, свобода менять место жительства и оставаться собой, это привилегия и комфорт, в отличие от тех прекариев, для кого нестандартная занятость является средством выживания [5, с. 114]. И те, и другие связывают прекаризацию с неформальными трудовыми отношениями, с неофициальной, неполной и неустойчивой занятостью [6; 7].

В России проблемы прекаризации рынка труда изучались как в теоретическом, так и в прикладном аспекте, что позволило сформулировать и предложить ряд концептуальных схем, описывающих процесс прекаризации труда в России [8; 9].

Риски прекаризации определяются спецификой нестабильной неустойчивой экономики, где субъектами, выталкивающими работников в прекарные отношения могут быть как представители частного бизнеса, ориентированного на максимизацию извлечения прибыли (менеджеристские подходы), так и представители государственных предприятий и организаций бюджетной сферы [10].

Отдельное место в группе прекариев занимают т.н. «самозанятые». Этот термин мы рассматриваем в рамках подхода МОТ, в соответствии с которым выделяются четыре основные группы, среди которых: «индивидуальные предприниматели, не использующие наёмный труд (own-account workers)», «предприниматели некорпоративного бизнеса, использующие наёмный труд (employers)», также члены производственных кооперативов (members of producers' cooperatives) и неоплачиваемые работники семейных предприятий (contributing family workers).

По мнению ряда ученых, наиболее уязвимой возрастной группой, которая сталкивается с прекаризацией в трудовой сфере, является молодёжь [11; 12], в т.ч. в силу пониженного социально-профессионального статуса на старте карьеры, более низких доходов, более высокой безработицы, что обусловило выбор молодёжи в качестве объекта исследования.

Эмпирической базой статьи, помимо статистических данных, являются результаты двух исследовательских проектов:

- 1) «Прекариат – 2018»¹, где в выборку вошли в т.ч. самозанятые респонденты, занятые в строительстве (30%); сельском хозяйстве (20%); транспорте и связи (10%); образовании, науке, культуре, здравоохранении (10%);

¹ Общероссийский репрезентативный опрос занятого населения в возрасте от 18 лет. Объем выборочной совокупности – 1200 трудоспособного населения. Выборка репрезентативна для РФ и федеральных округов РФ по выявлению условий и факторов возникновения и функционирования прекариата в 106 поселениях, в том числе в 19ти административных центрах субъектов РФ, 35 районных центрах, 33 селах, 17 поселках городского типа. Среднестатистическое отклонение по трем основным контролируемым признакам не превышает $\pm 3,5\%$ по каждому показателю (в тексте ссылки на эти данные обозначаются: «Прекариат-2018», П-2018). Полевую стадию исследований обеспечил Центр социального прогнозирования и маркетинга (рук. Ф.Э. Шереги).

торговле, бытовом обслуживании, ЖКХ (10%). 15%, как мы предполагаем, работали в сферах связанных с IT технологиями и творческими индустриями. Из общего количества опрошенных самозанятых 70% были в возрасте до 35 лет, что позволяет использовать эту базу для иллюстрации прекаризации сферы труда самозанятых в России.

- 2) «**Прогнозы и альтернативы развития России глазами россиян**», а именно, результаты фокус-группового интервью с самозанятыми и нестандартно занятыми², которые получают доход от своей профессиональной деятельности, но не зарегистрированы ни в какой форме. Все участники фокус-группы «самозанятых» были в возрасте до 33 лет. Члены ФГ были заняты в основном в сферах образовательных услуг, IT-технологий, занимались дизайном и консалтингом, были представителями креативных индустрий, что позволяет фактически причислить названных респондентов к группам креаклов, тех, для кого самозанятость – не вынужденный, но сознательный и позитивный выбор.

Наша цель – выявить, в какой мере молодёжь подвержена прекаризации, какова доля молодёжи в группах самозанятых и как сказывается самозанятость на их социальной и экономической активности, на оценках и прогнозах развития страны.

При анализе эмпирических данных мы опираемся на разработанный коллективом социологического факультета РГГУ подход, позволяющий выделять прекарно занятых на основе следующих индикаторов: оформление труда без договора или с договором не более чем на 1 год; полное несоответствие образования и квалификации работе; переработка (более 8 часов) постоянная; подработка в своей или сторонней организации; зарплата в конверте (систематическая или иногда случающаяся); смена работы за последние 3 года более 1 раза; невозможность влиять на решения в своей производственной организации [13].

Самозанятые на рынке труда современной России. Мы разделяем позицию тех авторов, которые рассматривают самозанятость в широком контексте: включая в неё также владельцев малых, микропредприятий, предпринимателей, занятых индивидуальной трудовой деятельностью без образования юридического лица, занятых в домашних хозяйствах [14, с. 9].

Российское законодательство к самозанятым относит, главным образом работников первой группы, официально зарегистрированных в качестве таковых и выплачивающих налог на профессиональную деятельность, что согласуется с позицией Международной организации труда, где под самозанятыми подразумевают занятых не по найму, работающих в неформальном секторе на индивидуальной основе без постоянного работодателя и постоянных работников³.

До 2018 г. статус самозанятых в РФ не был определен формальным образом. Желание государства сократить неформальный сектор экономики и перевести всех работающих на себя, но не зарегистрированных в системе налогообложе-

² Исследование «Прогнозы и альтернативы развития России глазами россиян (Как социальные страты оценивают будущее и перспективы развития страны)» проводилось в августе-ноябре 2021 (рук. Н.М. Великая) качественными методами, которые предусматривали проведение фокус-групповых интервью и экспертных интервью. В частности, проведено 5 фокус-групп: молодёжь, пенсионеры и предпенсионеры, наёмные работники и работники бюджетной сферы, самозанятые и неформально занятые, предприниматели. В состав каждой фокус-группы вошли от 10 до 12 информантов.

³ Резолюция о статистике занятости в неформальном секторе, принятая 15-й Международной конференцией статистиков труда (Женева, 1993 г.).

ния, в легальное пространство рынка труда, привели к принятию в ноябре 2018 г. Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)»⁴, который допускает регистрацию в качестве самозанятого с 01.01.2019 в течение 10 лет. С конца 2020 года стать самозанятым можно в любом регионе РФ. Статус самозанятого предполагает годовой доход не выше 2,4 млн рублей. Этот лимит будет действовать до 2028 года.

По данным статистики, количество занятых в неформальном секторе на российском рынке труда в последние 5 лет существенно не менялось, оставаясь в пределах 14–15 млн человек, что составляет 20% от общей численности занятых [8].

Напротив, количество официально зарегистрированных «самозанятых» (т.е. уже легализованных) росло и на сегодняшний день составляет почти 4 млн человек (см. табл. 1).

Таблица 1

**Численность занятых в неформальном секторе
и официально зарегистрированных самозанятых (2017–2021 гг.)**

Год	Число занятых в неформальном секторе	Число зарегистрированных самозанятых
2017	14 324 000	–
2018	14 581 000	3 062
2019	14 800 000	330 000
2020	14 122 000	1 603 638
2021	14 930 000	3 862 114
2022 (апрель)	–	4 789 176

Источник: Труд и занятость в России. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 49; Статистика // Самозанятость в Российской Федерации. URL: <https://sznpd.ru/statistika/> (дата обращения: 29.04.2022).

Только за 2021 год число самозанятых выросло с 1 603 638 человек до 3 862 114, максимальное число самозанятых было зарегистрировано в Центральном ФО и составило более полутора миллионов человек (1 500 625)⁵.

Эксперты обращают внимание на то, что далеко не все работающие «на себя» собираются регистрироваться. Отсутствие существенных преимуществ при регистрации держит людей от перехода в статус самозанятых. Такие люди считают, что сами осуществляют заботу о своих интересах и своём социальном благополучии [15, с. 237], а значит, ничего не должны государству. Такой социально-правовой нигилизм воспроизводится в современной России как минимум несколько десятилетий. Несмотря на то, что выявленным незарегистрированным самозанятым придётся заплатить штраф, это обстоятельство не является аргументом для наших респондентов, воспринимающих возможное ужесточе-

⁴ Федеральный закон от 27.11.2018. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <https://u.to/M6cvHA> (дата обращения: 12.04.19).

⁵ Статистика самозанятых на начало 2022 года по регионам // Самозанятость в Российской Федерации. URL: <https://u.to/dagvHA> (дата обращения: 29.04.2022).

ние контроля как форму игры, правила которой можно обойти, тем более что жёсткий контроль со стороны ФНС начнётся ещё не скоро.

Большинство самозанятых работают в сфере строительства (22%), транспорта (18%) и услуг (19%). При этом в России невысока доля фрилансеров (самозанятых без наёмных работников) – 5%. А набор профессий довольно широк: копирайтеры, IT-специалисты, дизайнеры, педагоги и репетиторы, трейдеры, инвесторы, юристы, торговые агенты, портные, ювелиры, косметологи, фотографы, репетиторы, занятые в личном подсобном хозяйстве на селе.

По данным Федеральной налоговой службы, 57% самозанятых являются представителями поколения Y (1985–2003 г.р.), 35% – поколения X (1964–1984 г.р.), 5% – поколения бэби-бумеров (1963 г.р. и старше), 1% – поколения Z (2004 г.р. и младше)⁶. Это значит, что 58% только официально зарегистрированных самозанятых младше 35 лет.

Основные риски прекаризации для социальной структуры, которые выделял ещё Стэндинг, – это рост неравенства; социальная нестабильность, сокращение статьи доходов государства, получаемых в виде налогов; низкий уровень вовлечённости населения в инвестиционный процесс, что потенциально делает прекариат опасным классом, который становится социальной базой протестов.

Особенности прекаризации молодёжи. Одной из самых уязвимых групп населения в современной России является молодёжь. Высокий уровень безработицы, коммерциализация образования, нестабильная занятость, низкие доходы – все это ставит молодёжь в неравное положение с более продвинутыми в экономическом и социальном плане группами.

Анализ специфики занятости в разных возрастных группах позволяет сделать вывод, что молодёжь, в силу неустойчивого положения на рынке труда, в большей степени подвержена прекаризации. Только за 2020 г. численность работающих сотрудников до 30 лет сократилась на 1 млн человек, при этом самое большое снижение было в возрастных группах от 15 до 19 лет, а также в группе и от 25 до 29 лет, а уровень безработицы среди молодёжи разных возрастов варьируется от 15,3% до 15,9%⁷.

Обращает на себя внимания и большая доля молодёжи (от 21% до 46%), занятой в неформальном секторе, где доминирующие взаимоотношения работодателя и работника складываются вне легальных практик (см. табл. 2).

В условиях нестабильной и неформальной занятости молодёжь в большей степени, чем старшие возрастные группы, подвергается дискриминации в трудовой сфере. Это и завышенные требования работодателей, которым молодым сложно соответствовать (опыт работы, рекомендации, индивидуальное портфолио), и привлечение молодёжи в качестве бесплатной рабочей силы во время стажировок, испытательного срока, или специального задания для проверки компетенций и навыков, о чём сообщали наши молодые информанты в фокус-группах.

Отсутствие видимых и понимаемых жизненных перспектив и невысокие доходы – причина того, что испытывают уверенность в своей финансовой безопасности при наступлении негативных сценариев в экономике лишь 6,3% молодёжи в возрасте 18–24 лет и 3,6% в возрасте 25–29 лет [16, с. 109]. Тем самым создается благоприятная среда для возникновения разного рода социальных конфликтов, которые могут иметь как собственно экономический, так и политический характер.

⁶ В России зарегистрировалось 3 млн самозанятых // Официальный сайт ФНС. 07.09.2021. URL: <https://u.to/fqgvNA> (дата обращения: 25.04.2022).

⁷ Труд и занятость в России. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 53.

Таблица 2

**Численность занятых в экономике и занятых
в неформальном секторе экономики по возрастным группам**

Возраст, лет	Численность занятых	Численность занятых в неформальном секторе	Доля занятых в неформальном секторе от занятых
	тыс. чел.	тыс. чел.	%
15-19	333	155	46,60
20-29	11746	2628	22,37
30-34	10705	2 207	20,61
35-39	10 189	2 038	20,00
40-49	11 993	3 441	28,69
50-59	14 856	2 671	17,97
60-69	4 467	863	19,31
70 и старше	311	120	38,58

Источник: Авторская таблица на основе данных: Труд и занятость в России. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 177 с.

Добавим, что неустойчивая прекарная занятость в современных условиях становится своеобразным средством давления работодателей на сотрудников. Более того, изменение организации и структуры труда работника по типу неустойчивой занятости превращается в социальное орудие работодателя для получения им прибавочной стоимости, когда с каждого часа труда временного работника работодатель получает больше прибыли, чем от постоянного работника за такой же час работы [17, с. 13].

Кроме того, работодатели довольно активно используют разные формы давления на сотрудника, принуждая их к т.н. «добровольному» увольнению, что подтверждается заявлениями на портале «Работа в России» или портале государственных услуг, где некоторые работники оставляют следующие комментарии: «сказали написать по собственному желанию»; «сказали уволиться»; «сокращение, но заставили писать по собственному»; «якобы по собственному желанию, но в приказном тоне»; «якобы по собственному желанию»; «по собственному желанию (типа)» [18].

Как следствие, молодёжь, не имеющая возможность найти работу по специальности, теряющая работу, имеющая нестабильную занятость, не видя возможности справедливого вознаграждения за свой трудовой вклад со стороны работодателей, пополняет ряды самозанятых, что позволяет рассматривать прекаризацию как фактор выбора молодёжью иных трудовых стратегий, прежде всего, предполагающих самостоятельность и независимость от работодателя.

Социальное самочувствие самозанятых. Чувствительность к социальным рискам и наличие социальных страхов у самозанятых проявляется в меньшей степени, чем у формально занятых и имеющих постоянную работу или работающих по временным трудовым контрактам. Большинство из них демонстрировали довольно высокую степень удовлетворённости жизнью, что мы связываем с чувством независимости от работодателя, как в лице государства, так и в лице бизнеса.

Доходы самозанятых, о которых они заявили в исследовании (П-2018 г.), как правило ниже, чем в группах других работников: 27 444 тыс. рублей против 30 236 тыс. рублей в т.н. благополучной группе работников, имеющих посто-

янный контракт, и 29 901 у имеющих временный контракт. Существенно ниже доходы – 24 066 в группе тех, кто вообще работает без трудового контракта и никак не легализован. При этом, как мы уже отмечали, по официальным данным ФНС, в 2021 г. средний доход самозанятых был 25,6 тыс. рублей.

Несмотря на невысокие доходы и на тот факт, что порядка 75% самозанятых перерабатывают более 8 часов в день, они демонстрируют довольно высокий уровень удовлетворённости работой: 30% удовлетворены своей деятельностью полностью, а 65% – удовлетворены в целом. В это же время, люди, работающие по временным договорам или без договора не удовлетворены своим трудом (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Насколько удовлетворены своей работой?»
(% опрошенных в каждой группе)

Степень удовлетворённости	Как оформлена работа				
	Бессрочный договор	Временный договор более 1 года	Временный договор менее 1 года	Работа без трудового договора	Самозанятые
Удовлетворены	24,5	13,9	3,4	6,3	30,0
Частично удовлетворены	60,2	60,0	59,3	54,6	65,0
Не удовлетворены	15,2	26,1	37,3	39,1	5,0

Источник: Исследование «Прекариат – 2018».

Такие высокие показатели удовлетворённости связаны в первую очередь с тем, что порядка 80% самозанятых позитивно оценивают условия труда. Лишь 5% показали, что их условия труда плохие. В других группах количество респондентов, оценивающих условия как неудовлетворительные, плохие, варьируется от 5% до 18,6%.

В группе самозанятых мы видим и минимальное количество людей, чья трудовая деятельность не соответствует полученному образованию и квалификации, что также определяет высокий уровень удовлетворённости работой (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Соответствует ли ваше образование/квалификация выполняемой работе»
(% опрошенных в каждой группе)

Степень соответствия	Как оформлена работа				
	Бессрочный договор	Временный договор более 1 года	Временный договор менее 1 года	Работа без трудового договора	Самозанятые
Соответствует полностью	66,2	53,6	25,4	28,7	55,0
Частично соответствует	22,6	32,5	47,5	36,2	25,0
Не соответствует	10,1	10,7	23,7	23,6	5,0
Затруднились ответить	1,2	3,2	3,4	11,5	15,0

Источник: Исследование «Прекариат – 2018».

Пятая часть самозанятых заявляла о том, что они не сталкиваются с серьезными проблемами по месту работы. Имея возможность выбирать сферу деятельности, самозанятые практически не жалуются на плохую организацию труда, на отсутствие возможностей для профессионального роста. По сравнению с другими группами, существенно (в 3–4 раза) ниже доля тех, кого беспокоит неясность в оплате труда и низкая оплата труда. Ни один из опрошенных самозанятых не выбрал альтернативу «не нравится работа (однообразный, неинтересный труд)», что позволяет ещё раз предположить, что среди самозанятых довольно высока доля людей, занятых творческими видами деятельности.

Это заставляет вспомнить о проблеме отчуждения труда, которое имеет место прежде всего в группах наёмных работников, столкнувшихся с ситуацией прекаризации труда.

В сфере трудовых отношений одним из социологических показателей проявления отчуждения труда является ощущение обществом социальной несправедливости. Как правило, оно обусловлено несовпадением представлений о мере своего труда и его оплатой, несовпадением между базовыми социальными интересами и правами работников и возможностями их реализации, ощущением неадекватного разрыва в доходах у разных социально-профессиональных групп.

Этот индикатор демонстрирует нам несущественное расхождение мнений у разных групп занятых. Среди самозанятых пятая часть опрошенных полагают, что их труд оплачивается справедливо. Среди других групп работников такую же позицию разделяют от 15 до 27%.

Соответственно, считают оплату труда абсолютно несправедливой 25% самозанятых, работающих по бессрчному и долгосрчному договору. Среди представителей самых уязвимых групп – имеющих договор менее года и работающие без договора – 27% и 33% опрошенных считают оплату труда несправедливой (см. табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Справедливо ли оплачивается труд?»
(% опрошенных в каждой группе)

Справедливо ли оплачивается труд	Как оформлена работа				
	Бессрчный договор	Временный договор более 1 года	Временный договор менее 1 года	Работа без трудового договора	Самозанятые
Справедливо	27,6	18,9	16,9	14,9	20,0
Не всегда справедливо	39,8	50,0	47,5	40,8	40,0
Несправедливо	24,8	25,0	27,1	33,3	25,0
Затруднились ответить	7,8	6,1	8,5	10,9	15,0

Источник: Исследование «Прекариат – 2018».

Очевидно, что проблема социального расслоения и социальной несправедливости в национальном масштабе является одной из самых острых проблем современной России, что подтверждается и данными фокус-групповых интервью.

В нарративах наших респондентов, участвующих в беседе, будущее справедливое общество у респондентов ассоциируется главным образом с идеями равенства возможностей и эффективной моделью социального государства, а также с идеей «правового государства», где все равны перед законом: «Если в общем справедли-

вое социальное общество рассматривать, то это общество, в котором каждый отдельный индивид чувствует себя защищённым, будь то введение безусловного базового дохода для тех, кто не может найти себе приличный труд по профессии в данный момент, Чтобы налоги шли на помощь и ощущение безопасности» (Респ. 9).

Говоря об особенностях социально-классовой структуры в нашей стране, один из информантов так описывает существующие проблемы социальной сферы: «Это большое расслоение общества по финансовому признаку: есть олигархи, есть бедняки, а среднего класса практически нету, на самом деле. Ну опять же, низкая зарплата, низкие пенсии, высокое время выхода на пенсию и т.д.» (Респ. 6).

Ещё один респондент вспоминает о сложностях в сфере предпринимательской деятельности: «Можно сказать, что малый и средний бизнес у нас задушен, а большой контролируется по большей части государством и людьми, которые находятся у аппарата власти» (Респ. 10).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Из каких источников формируются ваши доходы?»
(% опрошенных в каждой группе)

Из каких источников формируются доходы	Как оформлена работа				
	Временный договор более 1 года	Самозанятые			
Заработная плата на основном месте работы	98,5	97,1	89,8	86,2	40,0
Собственный бизнес	0,6	0,0	1,7	0,6	40,0
Подработка, совместительство	18,8	22,9	35,6	28,7	40,0
Пенсия	11,4	11,1	18,6	19,5	25,0
Помогают родственники, друзья	9,6	13,2	11,9	13,2	15,0
Сдают в аренду жилье, дачу, иную недвижимость	4,1	2,5	3,4	5,2	15,0
Получают проценты от сбережений, акций	2,4	2,5	3,4	1,7	0,0
Обеспечиваю себя дополнительно продуктами питания (дача, огород, подсобное хозяйство)	23,8	30,7	32,2	23,0	35,0
Другое	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

Источник: Исследование «Прекариат – 2018».

Имея перед глазами такую картину, легко понять, почему самозанятость не видится оптимальным выходом из ситуации для тех, кого мы называем нестандартно занятыми. Можно также предположить, что попытки государства перевести самозанятых в категорию предпринимателей тоже будут малоэффективными. Достаточно обратиться к данным исследований о самозанятых на селе, где респонденты прямо говорят о том, что иметь даже статус ИП сегодня не выгодно [19].

Описывая типы самозанятых работников, можно отметить, что вторичная занятость часто связана с нестандартными формами занятости, т.е. статус самозанятых могут получить и люди, имеющие основное место работы. В данном случае люди выбирают такую деятельность, которая будет приносить им дополнительный заработок или удовольствие, но при этом не препятствовать основной работе. А поскольку самозанятость зачастую связана с временной работой, гибким графиком, возможностью работать на дому, то такой вариант позволяет благополучно совмещать основную работу с подработкой в качестве самозанятого.

Исходя из данных, отраженных в таблице 6, мы видим, что подработкой и совместительством занимаются до 40% самозанятых, что почти в 2 раза выше, чем в группах, имеющих постоянную работу.

Самозанятые о перспективах развития страны. Самозанятые демонстрируют более высокий уровень критичности социального мышления, сближаясь здесь с группой предпринимателей. Если среди наёмных работников количество считающих, что страна развивается в правильном направлении варьируется от 44 до 56%, то среди индивидуальных предпринимателей и самозанятых их, соответственно 33% и 39% (см. табл. 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, наша страна развивается в правильном или неправильном направлении?»
(% опрошенных в каждой группе)

Страна развивается в правильном или неправильном направлении	Как оформлена работа				
	Работник (специалист, служащий, рабочий) на государственном предприятии, организации	Работник (специалист, служащий, рабочий) на частном предприятии, организации	Работник на акционерном предприятии, организации	Индивидуальный предприниматель	Самозанятый
В правильном направлении	55,8	43,7	50,4	33,3	38,9
В неправильном направлении	18,9	23,6	20,5	33,3	5,6
Затрудились ответить	25,3	32,8	29,1	33,3	55,6

Источник: Исследование «Прекариат – 2018».

Эти данные можно проиллюстрировать результатами анализа текстов интервью, где участники фокус-групп высказываются относительно актуальных проблем страны и перспективах развития общества и государства.

Большее половины наших информантов, связывая ближайшее будущее с актуальной ситуацией, осложняющейся ограничениями и рисками периода пандемии, однозначно предположили, что ситуация в России либо останется прежней, либо будет стремительно ухудшаться, обосновывая это вероятным падением уровня жизни, ростом цен, ухудшением состояния экономики и экологии, ростом протестных настроений, возвращением репрессий, сокращением свободы слова.

Трое респондентов дали нейтральные, уклончивые прогнозы и только один человек предположил, что страна движется в правильном направлении и эф-

фекты от цифровизации, перехода к цифровой экономике могут улучшить и социальную ситуацию в целом.

Структура страхов респондентов, выявленная в ходе ФГ-интервью чуть шире тех, что были включены в инструментарий количественного исследования П-18, что позволяет увидеть более объёмную картину тревожности российского общества (см. табл. 8).

Таблица 8

**Распределение ответов на вопрос
«Какие проблемы в городе, районе, селе волнуют Вас в первую очередь?»**
(% опрошенных в каждой группе)

Варианты ответа:	Как оформлена работа				
	Работник (специалист, служащий, рабочий) на государственном предприятии, организации	Работник (специалист, служащий, рабочий) на частном предприятии, организации	Работник на акционерном предприятии, организации	Индивидуальный предприниматель	Самозанятый
Плохое решение жилищно-коммунальных проблем	45,8	46,9	40,2	50,0	33,3
Проблемы здравоохранения	55,1	55,2	60,6	50,0	38,9
Проблемы обучения детей	31,0	31,5	26,8	33,3	27,8
Плохое транспортное сообщение	13,1	15,2	28,3	16,7	27,8
Отсутствие условий культурной жизни	11,0	15,0	18,1	8,3	11,1
Отсутствие условий для занятия физкультурой и спортом	9,1	9,0	15,7	0,0	22,2
Плохая экология	27,2	28,7	22,0	33,3	16,7
Криминальная обстановка, преступность	14,8	10,5	9,4	8,3	11,1
Что ещё	6,7	5,1	11,0	8,3	27,8
Ничего не волнует	10,3	9,6	6,3	8,3	0,0

Источник: Исследование «Прекариат – 2018».

Исходя из данных количественного опроса, самозанятые в большей степени обеспокоены проблемами ЖКХ и здравоохранения, что не сильно отличает их от других групп работников. Однако именно в этой группе было максимальное число респондентов (15%), выбравших альтернативу «что-то ещё», что расширяет список дополнительных социальных рисков, которые осознаются именно самозанятыми.

Шесть из десяти участников ФГ-интервью в качестве самых острых проблем в социальной сфере российского общества называли социальное и имущественное расслоение общества. Одной из самых острых проблем, наряду с социальным расслоением, о котором говорили 6 из 10 респондентов, молодые самозанятые называли безработицу и несбалансированность рынка труда. Это подтверждает тот факт, что одной из существенных характеристик безработицы среди молодёжи с высшим образованием на рынке труда является то, что её уровень выше, чем

уровень безработицы среди взрослых [20]. Неоднократно озвучивались также проблемы здравоохранения и медицинской помощи, бедность, низкий уровень жизни, низкая рождаемость, алкоголизм, экономическая нестабильность, плохая экология, вымирание малых городов и сельской местности.

При относительной успешности респондентов, структура социальных страхов в группах самозанятых и др. работников, подверженных прекаризации, остается очень близкой.

Помимо проблем на рынке труда, практически все респонденты говорили о существенном отставании экономики России по сравнению со странами Запада: *«у нас действительно большой упадок в экономике, он связан с тем, что новые предприятия не строятся, а старые не переоборудуются, также большой отрыв в отрицательную сторону по технологиям, которых у нас не хватает, и количество которых не может гарантировать высококачественную работу на предприятиях»* (Респ. 8).

Участники фокус-группы также обращали внимание на неэффективность государственного регулирования и управления, слабый и не научно обоснованный менеджмент, отсутствие стратегического планирования и плохую работу по привлечению внешних инвесторов. Три респондента в этой связи вспомнили об оттоке капиталов, выводе средств в офшоры, утечке мозгов.

Монополизацию в ряде сфер самозанятые рассматривали как однозначно негативную тенденцию: *«можно сказать, что малый и средний бизнес у нас задушен, а большой контролируется по большей части государством и людьми, которые находятся у аппарата власти. Таким образом, мы имеем модель, которая была представлена ранее, а это значит, национализация, монополизация предприятий, но эта национализация работает только в карманы тех, кто ими владеет, а не на благо экономики»* (Респ. 8).

Обращали внимание респонденты на проблемы малого и среднего бизнеса и, в связи с этим, упоминали о личной неготовности менять свой статус и переходить в собственно предпринимательскую сферу: *«добавим в качестве негатива и давление на малый бизнес, который ... задыхается, и своими силами не может развиваться нормально. Многие фирмы ... закрываются, и малые предприятия, и стартапы, иногда очень технологически инновационные.... Вследствие этого и других факторов, связанных вообще с условиями труда в стране, мы видим и утечку мозгов, и, соответственно — утечку капиталов, которые такие мозги могут принести»* (Респ. 9).

Перспективы экономического развития наши респонденты связывали главным образом с переходом к зеленой экономике, с цифровизацией разных общественных сфер; с распространением фриланса и удалённой занятости, что, несомненно определяется их личным опытом: *лучше взять курс на технократию, ноократию, больше прислушиваться к экспертным сообществам, ... может быть брать пример с удачных урегулирований различных вопросов в той или иной сфере, и выходить на диалог с гражданами, тогда можно выйти на лидирующие позиции и улучшить и экономику, и политическую сферу* (Респ. 4).

Однако однозначной картины в представлениях об идеальной экономической модели не было выявлено. Три респондента обращаются к опыту социалистического прошлого или к идеям коммунизма и коммунитаризма, настаивая на плановой экономике, кибер-коммунизме, новом социализме. Другие предпочитали путь свободной конкуренции и усиления позиций собственников, малого и среднего бизнеса, отдельно останавливаясь на увеличении доли высокотехнологичных производств в структуре экономики.

Заключение. Целый ряд характерных черт прекаризации труда распространяется на молодых самозанятых: неустойчивость занятости, временный характер работы, низкие доходы, частая смена работы, переработка более 8 часов, несоответствие или неполное соответствие квалификации и образованию.

Прекаризация молодёжи носит как вынужденный, так и добровольный характер. Так, на этапе приобретения первичного опыта трудоустройства она не всегда однозначно связана с переживаниями нестабильности, уязвимости и незащищённости и другими негативными последствиями. Как показали данные фокус-групповых интервью, для отдельной группы молодёжи, представленной прежде всего т.н. креативным классом, прекаризация наполняется и позитивными смыслами: высоким уровнем автономии работника, ненормированным рабочим графиком, гибкостью процесса трудовой деятельности, возможностью удалённой работы, самостоятельным выстраиванием траектории профессионального развития и уровня дохода.

В любом случае, прекаризация труда молодёжи, сопровождающаяся неформальными отношениями, нестабильной занятостью, гибкостью форм организации труда, подталкивает молодёжь переходить на такие форматы жизнеобеспечения, которые предполагают самостоятельность, независимость от работодателя, свободу распоряжаться рабочим временем и принимаемым объёмом выполняемой работы, что вполне вписывается в режим самозанятости.

Несмотря на значительный рост числа людей, переходящих официально в статус самозанятых, вряд ли стоит рассчитывать на значительное увеличение этого слоя в последующем. Существенными барьерами на пути формирования этой группы являются низкий уровень доходов, невозможность сформировать пенсионный пакет, проблемы с медицинским страхованием.

Говоря о рисках, которые могут перерасти в угрозы развития страны, большая часть информантов сосредотачивалась на внутренних проблемах, как более значимых, в качестве каковых озвучивались экономический кризис и медленный экономический рост, вероятность техногенных катастроф в условиях глобализации, низкий уровень жизни и сокращение среднего класса, разрушение природной среды и экологические катастрофы.

Возможности экономического роста, с точки зрения молодых самозанятых, лежат в сферах инновационных технологий, где зонами роста были названы IT-технологии, ядерная энергетика, космическая отрасль, судостроение, высокотехнологичные медицинские технологии.

В заключение добавим, что государству необходимо предложить более эффективную систему стимулов, побуждающих самозанятых к легализации, которыми могут быть права добровольного перечисления взносов в пенсионный фонд, фонд социального страхования, урегулирование вопросов определения трудового стажа, расширение сфер деятельности самозанятых, оптимизация программного обеспечения для самозанятых. Помимо этого, важнейшей задачей государства на ближайшую перспективу остаётся общее оздоровление экономики и всего рынка труда в России, сокращение неформального сектора экономики.

Библиографический список

1. *Стэндинг, Г.* Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с. ISBN 978-5-91103-209-8.
2. *Arnett, R. C.* Precarity: Eclipsing the Face of the Other // Covid 19. A Journey into Social Precarity: Proc. of Intern. Conf. "Shifts and orientations within the social crisis and pandemic catastrophe" (Berlin – Rome, 29-30 April 2021). 2021. Pp. 8-20.
3. *Han, C.* Precarity, Precariousness, and Vulnerability // Annual Review of Anthropology. 2018. Vol. 47 (1). Pp. 331-343. DOI [10.1146/annurev-anthro-102116-041644](https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-102116-041644).

4. *Арсенко, А. Г.* Проблемы дестандартизации и прекаризации труда в контексте глобализации-американизации-деглобализации мировой экономики в XXI веке // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 4. С. 54-65. DOI [10.19181/nko.2021.27.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.4.5). EDN [GAQTZK](https://www.edn.ru/qaqtzk/).
5. *Лункин, Р. Н.* Прекариат: поведение социального класса во время кризиса // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 2. С. 110-116. DOI [10.15211/vestnikieran2021110116](https://doi.org/10.15211/vestnikieran2021110116). EDN [OLSLEH](https://www.edn.ru/olsleh/).
6. *Кученкова, А. В.* Вторичная занятость в контексте прекаризации на российском рынке труда // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 73-83. DOI [10.31857/S013216250006659-7](https://doi.org/10.31857/S013216250006659-7). EDN [SBOINU](https://www.edn.ru/sboinu/).
7. *Будагов, А. С., Алиев, У. А.* Прекаризация отношений наемного труда // Актуальные проблемы экономики и управления. 2020. № 2 (26). С. 60-63. EDN [RJVCKW](https://www.edn.ru/rjvckw/).
8. *Тощенко, Ж. Т.* Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13. EDN [UAXUBZ](https://www.edn.ru/uaxubz/).
9. *Шкаратан, О. И., Карачаровский, В. В., Гасюкова, Е. Н.* Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110. EDN [VGMFUZ](https://www.edn.ru/vgmfuz/).
10. *Лобова, С. В.* Прекаризация занятости научно-педагогических работников вузов: содержание и последствия // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. 2019. № 6. С. 243-259. EDN [NMMJIS](https://www.edn.ru/nmmjis/).
11. *Голиусова, Ю. В., Ключарев, Г. А.* О стратегиях занятости современной молодежи // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 72-90. EDN [ZFBZDP](https://www.edn.ru/zfbdzp/).
12. *Воробьева, И. В.* Прекаризация молодежи в сфере социально-трудовых отношений // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 3. С. 100-112. DOI [10.17805/zpu.2021.3.7](https://doi.org/10.17805/zpu.2021.3.7). EDN [XOGIKA](https://www.edn.ru/xogika/).
13. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : Издательство «Весь мир», 2021. 400 с. ISBN 978-5-7777-0852-6. EDN [ECFFBH](https://www.edn.ru/ecffbh/).
14. *Абрамова, Е. А.* Кризисная самозанятость в России: классификация, структура и уровни развития // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2012. № 4 (32). С. 6–15. EDN [PKZSQJ](https://www.edn.ru/pkzsqj/).
15. *Потов, А. В.* Административно-правовой статус самозанятых граждан: проблемы определения и возможные пути решения // Научный Вестник Омской Академии МВД России. 2018. № 2 (69). С. 53–59. EDN [UUHGGG](https://www.edn.ru/uuhggg/).
16. *Великая, Н. М.* Молодежь России перед лицом социальных угроз // III Чтения памяти В. Т. Лисовского : Сб. науч. трудов (Москва, 18 декабря 2019 года) / Под ред. Т. К. Ростовской. М. : Экон-Информ, 2020. С. 106-109. EDN [YKSJYK](https://www.edn.ru/yksjyk/).
17. *Кузнецова, А. П.* Отчуждение труда и неустойчивая занятость работников // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 2 (196). С. 12–18. EDN [UGKDTB](https://www.edn.ru/ugkdtb/).
18. *Копыток, В. К., Кузьмина, Ю. В.* Безработица времен COVID-19: что могут рассказать административные данные? / Центр перспективных управленческих решений. М. : ЦПУР, 2020. 38 с.
19. *Velikii, P. P., Velikaya, N. M.* Actors of rural autonomous household: meanings and results // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2021. Vol. 14. No 4. Pp. 201–215. DOI [10.15838/esc.2021.4.76.12](https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.12). EDN [UFPILR](https://www.edn.ru/ufpplr/).
20. *Маслюкова, Е. В., Мокроусова, Д. И., Покусаенко, М. А.* Прекаризация занятости молодежи в контексте последствий пандемии COVID-19 // Russian Journal of Economics and Law. 2021. Т. 15. № 3. С. 440–454. DOI [10.21202/2782-2923.2021.3.440-454](https://doi.org/10.21202/2782-2923.2021.3.440-454). EDN [QAZBPF](https://www.edn.ru/qazbpf/).

Дата поступления в редакцию: 08.05.2022.

Принята к печати: 27.05.2022.

Сведения об авторе:

Наталья Михайловна Великая, доктор политических наук,
зам. директора по научной работе, главный научный сотрудник,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.
e-mail: natalivelikaya@gmail.com
Author ID РИНЦ: 286986
ORCID: 0000-0001-5532-844X
Researcher ID (WoS): A-9577-2017
Scopus ID: 8438345700

N. M. Velikaya¹¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

PRECARIZATION OF YOUTH LABOUR AS A FACTOR IN THE FORMATION OF THE “SELF-EMPLOYED” GROUP

Abstract. The article discusses the process of precarization of youth in Russia which is caused by changing of labor relations in modern economy, widespreading of non-formal practices and gig-economy. Particularly the peculiarities of the formation of a self-employed group in Russia, which is linked with new legislature and adopting new tax regime for professional activity. The legislative framework and statistical data are analyzed, which allow us to identify trends in the formation of this group, describe disadvantages of new regime and to state that intensive growth of the self-employed layer is not expected in the near future.

Based on empirical data obtained during quantitative (all-Russian survey) and qualitative (focus group interviews) sociological studies, the main risks of precarization of the self-employed group are identified: unstable employment, unemployment, low incomes, lack of social guarantees, mismatch of qualifications and education to work, etc. It was exposed that according their professional and labor orientations and strategies group of self-employment is very close to the group of individual entrepreneurs, which let us consider them as potential social base to stratum of entrepreneurs. The specifics of precarization of young people associated with the vulnerability of their economic and social status at the beginning of their career, the directions of their life strategies and ideas about the prospects of economic and political development in the country are shown.

The data on the individual social fears of the respondents and interviewees allow us to conclude that self-employment based on forced and voluntary grounds leads to the construction of different life strategies and labor practices, which also correlates with the spheres of employment.

Keywords: precarization, precariousness, self-employment, labor market, social well-being, labor relations.

For citation: Velikaya N.M. (2022) Precarization of youth labour as a factor in the formation of the “self-employed” group. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 2. Pp. 6–21. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.1.

References

1. Standing, G. (2014) *The precariat. The new dangerous class*. Moscow, Ad Marginem Press. 328 p. (In Russ.).
2. Arnett, R. C. (2021) Precarity: Eclipsing the Face of the Other. In : *Covid 19. A Journey into Social Precarity*: Proc. of Intern. Conf. “Shifts and orientations within the social crisis and pandemic catastrophe” (Berlin – Rome, 29-30 April 2021). Pp. 8-20 (in Eng.).
3. Han, C. (2018) Precarity, Precariousness, and Vulnerability. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 47 (1). Pp. 331-343. DOI [10.1146/annurev-anthro-102116-041644](https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-102116-041644) (in Eng.).
4. Arseienko, A. G. (2021) Problems of destandardization and precarization of labor in the context of globalization-americanization-deglobalization of the world economy in the XXI century. *Science. Culture. Society*. Vol. 27. No. 4. Pp. 54-65. DOI [10.19181/nko.2021.27.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.4.5) (in Russ.).
5. Lunkin, R. N. (2021) Precariat: behavior of a social class during the crisis. *Scientific and analytical Herald of IE RAS*. No. 2. Pp. 110-116. DOI [10.15211/vestnikieran22021110116](https://doi.org/10.15211/vestnikieran22021110116) (in Russ.).
6. Kuchenkova, A. V. (2019) Secondary employment in the context of precarization on the Russian labor market. *Sociological Studies*. No. 9. Pp. 73-83. DOI [10.31857/S013216250006659-7](https://doi.org/10.31857/S013216250006659-7) (in Russ.).
7. Budagov, A. S., Aliyev, U. A. (2020) Precarization of wage labor relations. *Aktual'nye problemy ekonomiki i upravleniia*. No. 2 (26). Pp. 60-63 (in Russ.).
8. Toshchenko, Zh. T. (2015) Precariat – a new social class. *Sociological Studies*. No. 6. Pp. 3-13 (in Russ.).

9. Shkaratan, O. I., Karacharovskiy, V. V., Gasiukova, E. N. (2015) Precariat: Theory and Empirical Analysis (Polls in Russia, 1994–2013 data). *Sociological Studies*. No. 12. Pp. 99–110 (in Russ.).
10. Lobova, S. V. (2019) Precarious work of scientific and pedagogical workers: contents and consequences. *Ekonomicheskoe razvitie regiona: upravlenie, innovatsii, podgotovka kadrov*. No. 6. Pp. 243-259 (in Russ.).
11. Goliusova, Yu. V., Klyucharev, G. A. (2017) The strategies of today's youth employment. *Rossija reformirujushhajasja*. No. 15. Pp. 72-90 (in Russ.).
12. Vorobyeva, I. V. (2021) Precarization of youth in the field of social and labor relations. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 3. Pp. 100-112. DOI [10.17805/zpu.2021.3.7](https://doi.org/10.17805/zpu.2021.3.7) (in Russ.).
13. Toshchenko, Zh. T. (ed.) (2021) *Precarious employment: origins, criteria, features*. Moscow, "Ves' mir" Publ. 400 p. (In Russ.).
14. Abramova, E. A. (2012) Crisis self-employment in Russia: classification, structure and development levels. *Modern high technologies. Regional application*. No. 4 (32). Pp. 6–15 (in Russ.).
15. Popov, A. V. (2018) Administrative law status of the self-employed: problems of definition and possible solutions. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. No. 2 (69). Pp. 53-59 (in Russ.).
16. Velikaya, N. M. (2020) Youth of Russia in the face of social threats. In : *III readings in memory of V. T. Lisovsky*. Collection of conference materials (Moscow, 19.12.2019). Moscow, Ekon-Inform. Pp. 106-109 (in Russ.).
17. Kuznetsova, A. P. (2015) The alienation of labor and precarious employment of workers. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. No. 2 (196). Pp. 12–18 (in Russ.).
18. Kopytok, V. K., Kuzmina, Yu. V. (2020) *Unemployment during COVID-19: what can administrative data tell? [Bezrobotitsa vremen COVID-19: chto mogut rasskazat' administrativnye dannye?]*. Center for Advanced Management Solutions. Moscow, TSPUR Publ. 38 p. (In Russ.).
19. Velikii, P. P., Velikaya, N. M. (2021) Actors of rural autonomous household: meanings and results. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 14. No. 4. Pp. 201–215. DOI [10.15838/esc.2021.4.76.12](https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.12) (in Eng.).
20. Maslyukova, E. V., Mokrousova, D. I., Pokusaenko, M. A. (2021) Precarization of the youth's employment in the context of COVID-19 pandemic consequences. *Russian Journal of Economics and Law*. Vol. 15. No. 3. Pp. 440-454. DOI [10.21202/2782-2923.2021.3.440-454](https://doi.org/10.21202/2782-2923.2021.3.440-454) (in Russ.).

The article was submitted on May 08, 2022.
Accepted on May 27, 2022.

Information about the author:

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Sciences, Deputy Director of Science and Research, Main researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.
Moscow, Russia.

e-mail: natalivelikaya@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5532-844X

Researcher ID (WoS): A-9577-2017

Scopus ID: 8438345700